

W 235
18

Альманах

235
18

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

5 4234 deful

Альманах Пролеткульта

- Культура и быт.
- Организация быта.
- Искусство и производство.
- Критика и библиография.
- Пролеткульты на местах.

XXIV-29386

4897

Всероссийский Пролеткульт

Москва

1925

Всероссийский Пролеткульт.

Москва—1925

Сегодняшне-вчерашние.

Тугие дела на литературном фронте.

1. Немного политграмоты.

Пролетарская революция дала Октябрь. Октябрь дал нам пролетарскую диктатуру; та в процессе жестокого, беспрецедентного упорного боя с капиталом и буржуазией, постепенно побеждая, напрягается теперь в стройке новой жизни. В этом жизнестрое курсе, материали проч.—должны быть, ясно, нашими, октябрьскими, и целевой установкой нашей — Октябрь. Это правило или, вернее, органическая надобность — необходимое условие нашей новой, октябрьской культуры для всех фронтов жизнестроя, от политико-экономического до бытового. Без него новой культуре быть нельзя, умаление октябрьских органически - естественных элементов будет ослаблением, замедлением ее приближения и роста, отодвижкой ее от нас.

А между тем, если центральный, политический, социальный* целевой фронт, фронт социальной нашей революции верно и крепко делает свое громадное дело Октября, то радиусы его, фронты другие, не все поспевают в продвижке вперед, по другим дорогам к Октябрю. Правда—центральный путь здорово и основательно расчищен от наносов, заносов и грязи только-что отбывшего «вчера». Правда, что радиусные дороги расчищать было не время, с ними попозже, но время сегодня наступает к теплу, к весне, а тут гигиена эпохи требует быстрой и решительной санитарной чистки. Ей и раньше, всегда, предшествовал тщательный точный осмотр «мест»; здесь мы произведем дальше такой осмотр мест сегодняшнего нашего литературного фронта, — статья этим специально и занята.

2. Как дела.

Как дела сегодня у нас на литературном фронте? Да в большинстве — по-вчерашнему. Дела тугие. Иных уж нет, а те далече от сегодня. К примеру: и позапрошлый «попутчик» Пильняк, и наобещавший «Бронепоездом» Иванов Всеволод, и ныне присоединившийся, к тому ж, действительно небесталанный, Артем Веселый, и новообетенный Бабель и прочие и прочие — все тюкают молотом коли не по гологодью, так по партизанщине, т.-е. пишут, сообщают, пользуются моментом недавно отбывший, следовательно—вчерашний. А пишущие про сегодня наше, даже замахивающиеся на «завтра» (Либединский, Безыменский)—те, по совести, кустарны, слово у них не организовано, на два-три местечка в стихе или прозе — два крепких словечка найдутся у них, остальное вода да неотстоявшаяся муть изжитых и стертых образчиков прежнего словесного «хорошего тона». Что уж тут октябрьского нашего! Февралем отдает, бессильем попахивает.

И как не понять, товарищи, до конца такой простой, но очень устойчивой «истинки»: в индустрии,—что верный признак и необхо-

димое условие хорошо поставленного широкого производства, полного сбыта—удовлетворение полное потребителя. Последнее слово техники, усовершенствование изобретения и пуск его в ход для всех. А с литературой иначе что ль? Никакой разницы по существу (художественно-организованное слово — это такое ж производство нужного продукта), — и громаднейшая разница по древне-вчерашней традиции у нас на деле.

Так, дела литературные у нас тугие — исчерпывающие себя «вчера», неоправданные «сегодня» и — проба, подобная взлету у нас в 1909 году на Ходынке аэропланов, продвижки в «завтра». Точный смотр «мест» и учет «сил» будет произведен сейчас же.

3. Сначала о прозе.

— Либединского. Этот молодой пролетарский писатель заявил о себе повестью «Неделя». Вещь прошумела в наших кругах, вверху и в низах, вызвала оживленный говор в речах и в печати, стала книжкой популярной у молодняка и в массах. Считается «единственной вещью, где действуют подлинные, не выдуманные, живые большевики» («Коммунист», № 27, ст. Лежнева).

Еще Либединский написал повесть «Завтра» («Молодая Гвардия», № 7—8, 23 г.). Это произведение зашумело еще больше. Действительно, очень занятно задуман сюжет повести: продвижка столь ожидаемого нами немецкого «завтра» — т.е. победы германской пролетарской революции — в наше сегодня. Центр действия — Москва, в окружении Нэпа, встречающая своими рабочими массами и их головкой, ЦК РКП и Коминтерном, радио о власти Советов в Берлине. Как филиалы, ответвления — несколько романических историй, разветвляющихся по окружности главной темы.

Итак, в двух главешках Либединского сюжетным материалом выбраны — опять (как у многих) только что отбившее от нас «вчера» нашей революции (гражданская война) и, как пока у никого — «завтра», спаянное с сегодня (Нэп, строительство). Что ж! «Неделя» в идеологическом смысле написана не плохо, спокойно и просто и верно; без преувеличений, без акафистов и всхлипов дана героинка коммунистов, бойцов и вождей, человек со слабостями, но умерших крепко и выживших стойко. Бытовые принадлежности эпохи и мест даны верно, черты характера людей — тоже. Все правильно. Но, ведь, и информация о стратегических фактах, коли она дельна и серьезна, тоже дает верные цифры, топографию, этнографию даже. Трактат, скажем, о траектории, научный, очень точно и верно описывает свою часть, математическую. Ну, товарищи, — а можно назвать все вышеуказанное художественной литературой? Нет еще, нельзя, с этим и Лежнев, и Воронский, и даже Правдухин немедленно и неуклонно согласятся. А, ведь, «правдиво» (т.е. точно и верно) и там отображена действительность, — так в чем же дело, какая разница?

Разница — пустяк: материал разный, только и всего. То есть, это—то, что отличает в производстве металлиста от текстильщика, сапожника от фармацевта. А в производстве материал — это все. Без него ни дыхнуть, ни жить. А вот граждане критики и товарищи словопроизводственники (т.е. писатели) думают иначе: слово, т.е. органический материал художника-словесника — это второстепенно; главное — мысль, идея, идеология.

Оно, конечно, без мысли никуда не денешься в слове, да и слово без мысли бессмыслица, как и тело без нервов, и мозга—труп. Все ж, и без слова, в первую очередь, в художественном производстве слова никак не обойдешься,—иначе это будет руководство по фармакологии, сочинение по этнографии, история быта, стратегическая статья и т. д. А что со словом делают наши пролетарские и попутченские писатели и поэты? Они с ним просто не умеют еще обращаться или обращаются как кустари. Так и Либединский. Вот—«Неделя», все правильно, все верно, как в этнографическом учебнике, а где же крепко и стойко организованное слово, усиливающее мысль, выдвигающее идеологию? Вот — ораторы, в двух местах говорящие об одном: международном положении. Идеология — едина, о том бдит, за тем смотрит РКП. Но один — Троцкий — берет всех от верха до низа во власть силы организованной своей речи, мастерством оратора, речеконструктора; другой — морит скукой и вялостью своего неуменья, кустарничества, неорганизованностью речи. Чуете теперь правду, товарищи?

И в «Неделе» и в «Завтра» у Либединского слово вялое, невыбранное, неосознанное как материал, не прощупанное опытно-показательной верной рукой мастера. Он, этот свой парень, не учился еще как следует и не учится и теперь, когда жадно идут к учебе пролетарские и крестьянские крепкие дети. Позади него, в порядке преемственности прошлых культур, стоят старики, мастера русского художественного слова — Лесков, Пушкин, Толстой, Державин, которые усиливали свою, родную им, дворянско-феодалную идеологию до мировой слышимости их. И не рачьи ползти к ним на выучку, а—осознанно отобрав в порядке пролетдиктаторской реквизиции у них ценное, реконструировать, реорганизовать общее русское слово, двинув его к нашей классовой целевой установке — жизнестроительству нашего сегодня.

Стальным, гранитным, дубовым, железным словом крепить и строить дальше, шире нашей мысли Октябрь!

Об Артеме Веселом. Этот два года назад был напечатан «Красной Новью» — сцены из деревенской жизни — «Мы» и маленькая, двухполостраничная вещь — «В деревне на масленице». Маленькая оказалась удаленькой, озорной, свежей, быстрой: во весь скок неслись короткие, крепкие предложения: слова верные, выбранные, хорошо знакомые, язычили сочным мужицким местным брехом, шумели великорассейским «джонзбандом» ударные звукоподражания, и яркие цвета, настоящие, дикарские прямо лезли в рыло читателю. Словом, здорово посмешил и утешил,—думалось: эх, этот знает уж, что и как работать со словом,—сначала мужичков, а потом до пролетариев доберется, наш брат Исакий. А брат Исакий сел в Москве, учился в нашем первом литвузе у тов. Брюсова, попутно еще кое-где, а потом и подарил напечатанной вещью, уже большой, повестью, «Дикое сердце», которую снова приютил у себя в доме отдыха, в «Красной Нови», тов. Воронский. — у него, в новом курортном сезоне, все «трудившиеся» и обремененные жизнью (и он успокоил их): и староаглицкий, здорово вчерашний, сыр, Б. Пильняк, и повыходивший вчерашний В. Иванов, и третьеводняшний Горький, Бабель, молодой старичок, и уже совершенно позапрошлогодний специалист по «искусству» — Правдухин. И Артем Веселый почти здесь свой человек: сюжет «Дикого сердца» — партизанщина, день, как говорилось

нами, уже вчерашний. А в работе со словом наш Исакий действительно пошел «вперед» — к беловско-пильняцко-эренбургской стройке фраз, периодов, предложений, — к выделению шрифтами по старофутуристическим образцам: движение коротких фраз, посылаемых верно и в беге, раньше у него бывшее, спутано, перепутано, слово залито какой-то окрошковой мутью, словом, по «последнему» фасону — Arthème из Парижа.

И все-таки, даже здесь, в этой противоестественной вчерашней мешанине — островки крепких слов, по-своему ставленного быта, верная и нужная для сегодняшнего оздоровления «грубость». Есть порох, сила есть еще, — только зачем же ты, парень, залез во вчерашние сани — весна на дворе, соседи твои работают давно, строй идет, Октябрь ладят дальше, шире, глубже — опомнись во-время, братишка Веселый!

Теперь — о Бабеле. Этот — хитрый: он знает, где раки зимуют (на «прафе», у Воронского, в «Красной Нови»). Знает Бабель, и где ракам быть не полагается. Поэтому Бабель напечатался сначала в «Лефе» в 4-м — «Конармия» и «Олесские рассказы». Потом Бабель появился в 1-й сего года «Краснови» — из тех же погудок, только лад жиже, сорт ниже — словом, к месту. И таким манером оказался ласковым телятей, невинно гуляющим по «прафу» и по «лефу».

Сюжеты Бабеля, тоже как и у других — свежее вчерашние: гражданская война, фронты, 1-я конармия; есть и позавчерашние — еврейская Олесса до революции. Разница в том, что Бабель мастак насчет слова, работа с ним ему дело привычное. И словообделочник он умелый, — учоба у него была крепкая, позади учителями стоят: Лесков (словолюб известный), повествование у него от Толстого, лирика — от Лермонтова (прозы). Видите, учиться он умел и научился брать от стариков что надо. Все правильно. Кроме того, язык бытовой он знает до тла, слововыбор у него для его сюжетов отличный, перевоплотиться или трансформироваться из казака-конноармейца в Мишку-япончика, веселого короля воров, ему ничего не стоит, и тот и этот как живые.

Но в том-то и штука — как живые, но не живые. Типы — «правдивы», верны, правдой и верой вчерашнего дня. В настоящей нашей, новой жизни, сегодня, в жизнестрое Бабель участвовать не желает. Может, не сможет? Вздор. Когда человек учился верно по-старому и есть у него умение — наддай еще, поучись-ка у сегодня! Неларом потянуло его к лефу, попугачиком, он знает, где не зимуют, не должны бы зимовать, раки, но он должен приглядеться и увидеть нашу гору — Октябрь, движущийся к весне и лету. А для той поры вчера — лишь удобрение, и длить о нем сказ без конца — дело вредное. Пора и о сегодня, — строят «сегодня» на всех почти фронтах, кроме вашего лито.

4. Вот и о „поэтах“.

Поэты настоящие у нас сейчас быть должны — вот и тов. Троцкий одного уж устанавливает в предисловии к книжке его стихов.

Это — Безыменский, а книжка стихов — «Когда цветет жизнь». Про него в предисловии так и сказано: «Безыменский — поэт и притом свой, октябрьский, до последнего фибра».

Это большая находка, — признаться, до сих пор, в смысле обретения честно своего, октябрьского во всех фибрах, поэта дело обсто-

яло крайне неблагоприятно. Поэты-то были, а вот октябрьских до последнего мускула, мы не видали. Ну, теперь поглядим зорче в Безыменского. Авось!

Товарищ Троцкий помогает нам в видении, раз'ясняя: «он (Безыменский) берет революцию пеликом, ибо это та духовная планета, на которой он родился и собирается жить. Из всех наших, писавших о революции, для революции, по поводу революции, Б. наиболее органически к ней подходит, ибо он от ее плоти, сын революции, «Октябrevич».

Да, доводы серьезные, и дело, выходит, тоже всерьез. Книжку Безыменского мы прочли до последней точки, да и раньше кое-что из его стихов читали. Читали, слушали и установили:

Прежде всего уточним понятия и факты. «Поэт» в точном переводе с греков значит «творец». Переводя это еще раз на наш сегодняшний, деловой, точный язык,—получаем: изобретатель, развиватель, усовершенствователь. Формула эта нам ближе, и ее мы будем держать в дальнейшей установке.

Итак — Безыменский настоящий «поэт», т.е. изобретатель и усовершенствователь слова в стихе, да еще и свой, октябрьский. Родился он на духовной планете, коя представляет из себя революцию, и собирается жить.

А мы, материалисты, сторонники близящегося к нам, на смену эстетике, художественного материализма, до сих пор полагали Октябрь наш, революцию нашу, ежели и планетой, то никак не духовной, а здорово близкой нашей земле и от нее новообразовавшейся в процессе сильной и тяжелой, земной, физиологической, реальной борьбы именно с элементами прошлого «вчера» и, между ними, с метафизическими сущностями (с «духовностью» также). Понимаем, что у тов. Троцкого это—«словесный фасон», а будто тов. Троцкому, не «Октябrevичу» только, а самому заслуженному и действительному деятелю Октября, можно б и без таких фасонов обойтись смело и естественно.

Это раз. Два — настоящий поэт, Октябrevич, Безыменский собирается жить. Вот это точно и правильно до тла.

Но коли он собирается жить сегодня, с Октябрем, помогая его углубить, расширить, быть с ним от весны к лету, то он должен бы знать, что в стройке, всякой, помощник ли, мастер ли, заботятся больше подрядчиков о материале, да и без настоящего материала работать не будут, не смогут, раз они мастера не липовые.

А материал «поэзии» — слово, состоящее из звуков или букв, организованных мыслью на предмет ее усиления. И каждая эпоха имела свой строительный материал. Прошлая — золото, мрамор, розовое и черное дерево, гнилушки светящиеся в темноте. Наша — сталь, железо, гранит, дуб, — твердые, неуклонные, тяжелые. И такими, по ним, должны быть звуки и слова у поэта, организующего их в плане Октября.

А материал Безыменского, его словесный профматериал — слаб, вчерашен, качается, не слажен в оснастке, хоть и старается он учиться у мастера в этом деле, Маяковского. Где же—«Октябrevич»? Желаньем, духовными устремлениями, без сноровки в деле слаживания и подбора крепких, разных по материалу Октябрю, слов?

Нет, товарищи, с одной идеологией, без организации Красной армии, без организации пролетарских масс — Октября нашего в жизни

не было б. Так же пока нет его в жизни и на литфронте. Безыменский только собирается жить в Октябре, — пусть же не забудет о настоящей заботе настоящего словопроизводственника — работе над материалом, о строгом учете и выборе его. Возможности у Безыменского большие, и быть ему сегодняшним нужно.

Значит, настоящего, своего поэта, сына революции, «Октябrevича», на литфронте у нас не имеется сейчас, сегодня? Дела действительно так туги?

Если принять в основу первичное наше здесь определение «поэта», как производственника социально-осмысленного, художественным трудом организованного слова — из таких на сегодняшнем литфронте можно отметить с оговорками, и назвать по имени наиболее, пожалуй, любопытного Сергея Третьякова.

О нем надо и стоит поговорить. В прошлом у него есть две книжечки стихов — «Железная пауза» и «Ясныш», выпущенные на Дальнем Востоке. В настоящем он имеет агит-гиньоль «Слышишь, Москва», поставленный 1-м рабочим театром Пролеткульта, мелодраму «Противогазы», шедшую (едва ли не в первый еще раз в мировой практике театра) на газовом заводе в Москве, и недавно вышедшую в Госиздате книгу стихов — «Итого». Кроме того, у Третьякова идут в порядке крепкой агитпропной работы везде статьи по культуре художественного труда: Лито, Тео, кино, нового быта.

Как-никак, показ «Противогазов» на газовом заводе в Москве у нас и на рабочем театре Пролеткульта был событием давно не ощущаемой, действительной сегодняшней свежести. И рабочая наша публика была втянута показом по-настоящему в интерес: зашевелилась, говорила и смотрела зорко, всерьез. Еще бы: показана была сегодняшняя жизнь, творимый быт, работа, героизм в работе, на строительстве сегодняшнем единственной сейчас в мире фильмы — Красный Октябрь. И в смотре-оценке «Противогазов» это рабочее мнение и суждение было действительно профсудом, — от него и мы тут идем в нашем смотре.

Теперь — о стихах Третьякова. Стихотел он хороший, что говорить, и хороший не в смысле прошлогоднем, конечно, для этого у него еще много в них сырья. Но что обработано у него до конца, то организовано словесно так, что учиться у него кое-кому из способных наших ребят, ясно, следовало бы. Его речевые марши, которые весь молодежь слышал и частью в них участвовал (1-мая, 23-го и на проводах Воровского), действительно организуют и будоражат к активности, воодушевляют трудмассы, — что ж лучшего может сказать наша потреба сейчас о «поэте»?

И в его «Итого» такие стихи есть, и их немало. Есть там и сырьевые еще вещи — и их, по чести, немало. Но даже 45% крепких вещей в книге — это уже книга, с оправданием насущнейших наших запросов потребительских к продуктам художественно-трудового словесного производства теперь.

Да, Третьяков — прежде всего тот показатель активиста-словопроизводственника («поэта», в ветхозаветном и выдохшемся уже для нас, термине), для коего стих лишь повод для пуска целевого организованного слова в жизнь, неумолимый работник по делу укрепления и оживления слова, агитатор-словесник, руководитель-словесник и в этом именно смысле относительно сегодняшний «поэт».

Есть и другие, желающие работать и работающие над словом в «сегодня» молодые поэты, но Третьяков наиболее показателен среди них, как явление....

5. Пара слов. Всего!

Итак, на «прафе» — перманентная могила (Н. Чужак), на левом — все-таки много живее — уже есть одиночки-мастера, и скоро от молодняка будут другие.

Пора, товарищи, пора, — гляньте: фронты Октября, «соседи», другие работают давно, — готовьте же силы, сознание, работу на создание настоящего, сегодняшнего, участвующего в жизнестроении Октября — слова.

Всего!